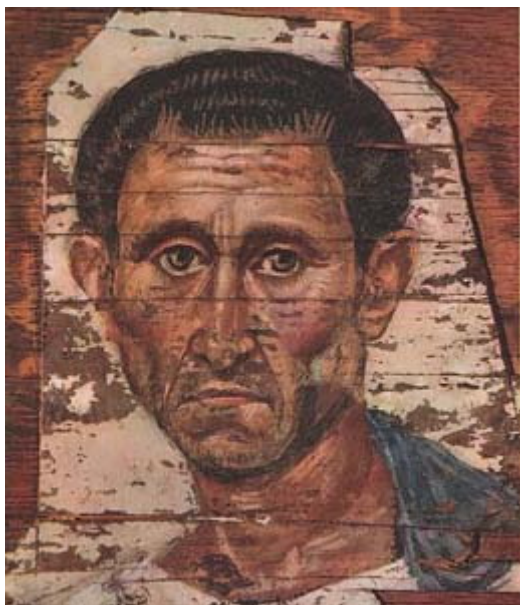

Игорь Шестков "Скорпион"

Случилось это в том зале Музея изобразительных искусств имени Пушкина, где в прямоугольных окошках, вырезанных в стене, хранятся фаюмские портреты. После смерти и мумифицирования человека его портрет, выполненный на небольшой дощечке восковыми красками, крепился на мумии на месте лица. Портрет был заместителем умершего, хранилищем его образа и души. Мумию помещали в деревянный ящик с открывающейся в верхней половине дверкой. Такой ящик ставили (вертикально) в комнате предков.

Я сел на лавку и начал рассматривать портреты. Постепенно мной завладело известное загадочное чувство – дежавю. Оно сопровождалось волной радости. Неизвестно откуда пришла уверенность – я знал этих людей! Искал их всю жизнь и, наконец, нашел... На фаюмских портретах... Я начал вспоминать, пробиваться сквозь известковые стены времени, но мне не удавалось вызвать в памяти ничего, кроме образа пустыни, редких пальм и обжигающего ветра. Нос ощутил нездешние ароматы, на зубах захрустел песок. Портреты смотрели на зрителя большими семитскими глазами – так выразительно, так живо. Казалось, что это не портреты, а живые люди, заточенные в плоские неумелые изображения. Если бы я верил в переселение душ, то все было бы ясно – «в мою прошлую жизнь» там, в Египте, я был ремесленником, изготавливающим

подобные художества. Но я не верил в метемпсихоз, потому что никогда не замечал других существ в самом себе, кроме отца, матери, дедушек и бабушек. Это во мне голос деда, а это – явно голос матери, говорил я часто самому себе. Но сейчас, перед портретами, во мне звучал давно ожидаемый, но неведомый голос. Он говорил во мне, говорил со мной. Язык его был сладостен и я понимал его. Воспроизвести его я не мог бы и тогда, тем более не могу сейчас. Но смысл его слов я не забыл.

«Ты был с нами. Ты и сейчас наш. Ты должен изменить свою жизнь. Твое дело – изображать души людей. Их судьбу. Их посмертье. Ты можешь это. Ты мог это делать среди нас, сможешь и в твоё время. Не забывай нас. Ты был с нами. Ты один из нас».

Со мной «говорил» самый старый из портретов коллекции, Портрет римлянина, написанный, согласно тексту на табличке, в конце первого века нашей эры. Стало быть, современник Домициана. Возможно, участник Иудейской войны, живущий на императорской пенсии. Но почему в Египте? Какая-нибудь романтическая история? Не знаю. Я его ни о чем не спрашивал. Я был в трансе и боялся прервать этот потрясающий опыт. Смотрел на оживающие портреты двухтысячелетней давности и слышал голоса. Если бы мне кто-то рассказал об этом, я поднял бы рассказчика на смех. До сих пор я не знаю точно, что же было со мной – или я действительно вступил в контакт с душами давно умерших людей или мое собственное подсознание разыграло со мной эту сцену, чтобы вывести из реального, советского – в метафизическое, магическое пространство. Увести в сторону душевного.

Приехав домой, я взял тушь, лист картона и начал рисовать мою бабушку, согласившуюся двадцать минут сидеть неподвижно. Рисунок получился неловкий, но похожий. Важнее похожести было для меня то, что исполнилось предсказание – да, я действительно мог отобразить в рисунке душу портретируемого. Моя прежняя жизнь кончилась. Началось нечто новое, то, что мне и сейчас трудно определить. Мое существование получило пусть иллюзорный, но смысл, задание. Надежду на то, что наш мир в действительности не таков, каким он нам представляется, и его истинную сущность можно выразить средствами искусства. Примерно так, как это делали

скромные ремесленники, малюющие восковыми красками портреты маленьких людей в малозначительных египетских селениях. Чтобы облегчить им встречу с богами.

Реальная жизнь сурово покарала меня за эти романтические бредни. Мои знакомые и родственники считают меня безнадежным идиотом. Я потерял сон. Когда я закрываю глаза и пытаюсь хоть немного подремать, передо мной возникает образ пустыни, я вижу бесконечные дюны и песок, по которому ползет синий скорпион.